

Дети с тяжелыми нарушениями

Дополнительные материалы (сноски «Подробнее»)

Виды коррекционных школ (включая интернаты)	2
Отказы от новорожденных с синдромом Дауна	2
Злоупотребления в коррекционных школах-интернатах	3
Карательная психиатрия: прошлое и настоящее	3
История Рубена Гальего	4
Как специалисты ПМПК оценивают интеллектуальные способности ребенка.....	5
Интеллект может вырасти?.....	6
Профессиональная солидарность специалистов ПМПК и сотрудников коррекционных интернатов.....	7
Задачи «вытянуть» ребенка не стоит.....	7
Насколько диагнозы, поставленные ребенку-сироте, выдерживают проверку "внешними" специалистами	8
Профессиональный застой среди сотрудников коррекционных интернатов	9
Мой труд теряет смысл	9
Диагнозы и квартирный вопрос	9
Интернаты закрыты для общественного контроля.....	10
Социальный заказ для общественных организаций	11
Разукрупнение коррекционных интернатов	11
Основные принципы реформирования коррекционных интернатов.....	12
Взаимодействие между учреждениями для детей-сирот	13
Интернат для лиц с интеллектуальными нарушениями - как это может быть.....	13
Негосударственные школы - опыт инклюзивного образования.....	14
Цепочка социализации особого ребенка.....	15

Виды коррекционных школ (включая интернаты)

В специальных (коррекционных) общеобразовательных школах I вида обучаются дети-инвалиды по слуху, слабослышащие и глухие.

В школах II вида учатся глухонемые дети.

Школы III-IV вида предназначены для слепых и слабовидящих детей.

Школы V вида принимают в свои стены учеников с нарушениями речи, в частности заикающихся детей.

Школы VI вида созданы для детей, имеющих проблемы в физическом и психическом развитии. Порой такие школы функционируют при неврологических и психиатрических больницах. Основной их контингент – дети с разными формами детского церебрального паралича (ДЦП), спинномозговыми и черепно-мозговыми травмами.

Школы VII вида для детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и задержкой психического развития (ЗПР). Школы VII вида занимаются коррекцией дислексии у детей. Алексия – это отсутствие речи и полная неспособность к усвоению речи, а дислексия – это частичное специфическое расстройство овладения чтением, обусловленное нарушением высших психических функций.

И, наконец, специальные (коррекционные) общеобразовательные школы VIII вида предназначены для детей с диагнозом F70: «умственная отсталость легкой степени», IQ ниже 70, но выше 50. Она же раньше называлась «дебильность». Максимум, к чему стремятся преподаватели коррекционных школ VIII вида, — научить детей писать, читать, считать и ориентироваться в самых простых социально-бытовых ситуациях. Программа начальной школы растягивается до девятого класса, из которого воспитанники выходят без общеобразовательного аттестата (вместо него - справка) и с интеллектуальным багажом пятиклассников. Путь к среднетехническому и тем более высшему образованию для выпускника коррекционной школы VIII вида закрыт.

Отказы от новорожденных с синдромом Дауна

(из статьи "Сироты по здоровью" в журнале "Огонек" от 17 ноября 2014 года – полный текст в разделе «Статьи»)

По данным российского благотворительного фонда "Даунсайд ап", ежегодно в России рождается около 2 500 детей с синдромом Дауна. Примерно половина из них (т.е. более 1 200 детей) оказывается в детских домах. В Москве сегодня около 40 % женщин отказывается от новорожденных детей с синдромом Дауна. В регионах эта цифра колеблется от 20 до 80 %. Специалисты фонда считают, что это не самые плохие показатели: еще 15 лет назад в России в 95 % случаев мамы отказывались от детей с синдромом Дауна.

Цифра снижается за счет работы благотворительных фондов и родительских организаций, но до европейских показателей России еще далеко.

Злоупотребления в коррекционных школах-интернатах

(из статьи "Почему умирают воспитанники детдомов?" в газете "Мир новостей" № 43 от 15 октября 2013 года - полный текст в разделе «Статьи»)

В Дербышевском интернате республики Татарстан на 200 сирот-инвалидов приходится 158 человек персонала. Однако, это не предотвратило трагедии: в октябре 2013 года 10-летняя девочка скончалась в самом интернате, а 10-летний мальчик – в реанимационном отделении районной больницы. Еще 33 детей в возрасте от 3 до 7 лет были госпитализированы с кишечной инфекцией. Четырех из них пришлось положить в реанимацию. В отношении руководителя интерната было возбуждено уголовное дело по признакам халатности.

В декабре 2012 года в рамках дела о растрате в отношении директора Мысковского детдома Кемеровской области было установлено, что скончавшиеся за период с 2009 по 2011 годы 27 детей-инвалидов погибли не от «врожденных патологий» (как заявила проверка Минздрава РФ), а от крайнего истощения. За погибшими детьми никто не ухаживал, им давали просроченные лекарства.

С декабря 2008 по январь 2009 года в Петровск-Забайкальском интернате для умственно отсталых детей погибли трое воспитанников, а еще девять слегли с диагнозом «дизентерия». Прокурорская проверка показала: детей в Петровске-Забайкальском не только не лечили, их даже не осматривали.

В марте 2011 года мать восьми приемных ребят Вера Дробинская и волонтеры сообщили СМИ о ситуации в Разночиновском детдоме-интернате Астраханской области: о массовом захоронении воспитанников без установления причин смерти, об абортах и изнасилованиях. В итоге был доказан факт изнасилования шестилетней (!) девочки-инвалида.

Карательная психиатрия: прошлое и настоящее

На протяжении XIX века в России имели место лишь единичные случаи использования психиатрии в политических целях. Злоупотребления психиатрией в политических целях в СССР приобрели более частый характер в 1930-е — 1950-е годы, но лишь в 1960-е они становятся одним из основных видов политических репрессий. Одной из первых психиатрических больниц, в которой содержались заключённые туда по политическим причинам, считается Казанская тюремная психиатрическая больница. С 1940 по 1970 год в ее палатах умерло 1 802 пациента, из них 470 были осуждены по ст. 58 УК РСФСР и ст. 54 УК УССР, то есть по политическим мотивам. В исправительно-трудовой колонии № 5, которая находилась на острове Свяжск и с 1956 года стала филиалом Казанской психбольницы, с конца 1930-х по 1970-е годы умерло 3 087 заключённых.

Психиатрическое лечение используют в карательных целях и сейчас. Вот как описывает эту практику в статье "Усыновити меня пожалусто" в "Новой газете" от 14 мая 2014 года (полный текст в разделе «Статьи») красноярский психолог Николай Щербаков, который два года проработал в коррекционных интернатах для детей-сирот: *«Ребенка изымают из привычной среды и против его воли, без объяснения*

причин помещают в психиатрическую больницу, где с ним проделывают разные процедуры, кормят препаратами, будто он тупое бессловесное животное. Дети вспоминают месяцы, проведенные в скрюченном от нейролептиков состоянии, — со смесью ужаса, стыда и отвращения».

История Рубена Гальего

Рубен Гальего родился 20 сентября 1968 года в Москве с тяжелой формой детского церебрального паралича. Когда мальчику было около полутора лет, его матери позвонили из больницы и сообщили, что ребенок умер. На самом деле его отправили в детский дом для детей-инвалидов, где он и провел свое детство в постоянной борьбе за жизнь, в постоянных издевательствах и унижениях. Об этом периоде его жизни Гальего написал автобиографическую книгу «Белое на черном». Вот отрывок из романа, глава «Герой»:

Я – герой. Быть героем легко. Если у тебя нет рук или ног – ты герой или покойник. Если у тебя нет родителей – надейся на свои руки и ноги. И будь героем. Если у тебя нет ни рук, ни ног, а ты к тому же ухитрился появиться на свет сиротой, – все. Ты обречен быть героем до конца своих дней. Или сдохнуть. Я герой. У меня просто нет другого выхода.

Я – маленький мальчик. Ночь. Зима. Мне надо в туалет. Звать нянечку бесполезно.

Выход один – ползти в туалет.

Для начала нужно слезть с кровати. Способ есть, я его сам придумал. Просто подползаю к краю кровати и переворачиваюсь на спину, опрокидывая свое тело на пол. Удар. Боль.

Подползаю к двери в коридор, толкаю ее головой и выползаю наружу из относительно теплой комнаты в холод и темноту.

Ночью все окна в коридоре открыты. Холодно, очень холодно. Я – голый.

Ползти далеко. Когда ползу мимо комнаты, где спят нянечки, пытаюсь позвать на помощь, стучу головой в их дверь. Никто не отзывается. Кричу. Никого. Может быть, я тихо кричу.

Пока добираюсь до туалета, замерзаю окончательно.

В туалете окна открыты, на подоконнике снег.

Добираюсь до горшка. Отдыхаю. Мне обязательно надо отдохнуть перед тем, как ползти назад. Пока отдыхаю, моча в горшке обзаводится ледяной кромкой.

Ползу обратно. Стаскиваю зубами одеяло со своей кровати, кое-как заворачиваюсь в него и пытаюсь заснуть.

Наутро меня оденут, отвезут в школу. На уроке истории я бодро расскажу об ужасах фашистских концлагерей. Получу пятерку. У меня всегда пятерки по истории. У меня пятерки по всем предметам. Я – герой.

Период, когда Рубен воспитывался в коррекционной школе-интернате, "глубоко советский".

Как специалисты ПМПК оценивают интеллектуальные способности ребенка

Говорит Игорь Коробейников, заместитель директора по научной работе Института коррекционной педагогики РАО (из статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»):

«Известная часть детей, особенно детей-сирот, могут попадать в школы для умственно отсталых при отсутствии у них истинной умственной отсталости. Почему такое возможно? Рекомендации для направления в коррекционную школу действительно дает психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК) на основе однократного и кратковременного обследования ребенка. Разграничить легкую умственную отсталость со сходными более легкими состояниями, позволяющими обучать ребенка в массовой школе, в условиях комиссионного обследования крайне сложно. Отсюда высокий риск так называемых ошибок отбора, связанных с неправильной диагностикой».

О том, как на практике выглядит "однократное и кратковременное обследование ребенка" специалистами ПМПК, рассказывает психиатр Елисей Осин, более пяти лет проработавший в детской психиатрической больнице № 6, на базе которой работает московская городская ПМПК (из статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»):

— Вот комната, — Елисей рисует на листе бумаги квадратик. — Вот стол, — внутри первого появляется другой квадратик. — Вокруг стола сидят четыре человека, — четыре квадратика по углам стола. — Здесь сидит психолог. Здесь логопед. Здесь психиатр. Здесь еще какая-то тетка, которая вообще почти все время молчит. Вот здесь, перед ними всеми, место для ребенка. А вот там, в углу, стул для родителя или опекуна. Психолог дает ребенку разные задания, показывает карточки. Ну, например: тарелка, нож, арбуз и кастрюля — что лишнее? Считается, что у детей с умственной отсталостью не развито абстрактное мышление. Если исключил арбуз — молодец. А если исключил кастрюлю, потому что она никак не может пригодиться в поедании арбуза, — это уже подозрение на олигофрению. Психолог комментирует: «Четвертый лишний не выделяет». Психиатр записывает, переводя на свой язык: мышление конкретное. При этом вся диагностика занимает — внимание! — пятнадцать, — Елисей пишет на листе цифру 15 и обводит ее в кружок, — минут! Формально дается полчаса, но в течение этого получаса обязательно что-то происходит: заходит медсестра подписать какие-то бумаги, звонит телефон, могу зайти я в белом халате — спросить что-нибудь. Вот и все.

А вот впечатления о работе ПМПК мамы «домашнего» ребенка-инвалида (из статьи "Легкий доступ в интернат" в "Новой газете" от 11 января 2013 года - полный текст в разделе «Статьи»):

«За столом сидят четыре незнакомых тетки. Игорь как посмотрел на них, так и осел у двери. Нужно выйти на середину комнаты, сесть на стульчик. Тетки здороваются, называют ребенка по имени и тут же спрашивают: «Как тебя зовут?» Что ребенок должен ответить? На тот момент Игорю было уже почти девять лет, он не первый год занимался с коррекционным педагогом-репетитором, умел читать. Естественно, он ответил: «Меня никак не зовут» — и отвернулся от них. За эти пару минут тетки вынесли диагноз: необучаем».

Но когда мама привезла характеристику от репетитора, тетрадки с письменными работами, эксперты ПМПК согласились изменить вердикт, если семья сумеет договориться о приеме в первый класс с директором специализированной школы. Родители предположили, что количество «обучаемых» детей подвостыивают к количеству мест в таких школах (с учетом договороспособности семьи).

Интеллект может вырасти?

(из статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Отвечая на вопрос об ошибочной диагностики специалистами ПМПК, олигофренопедагог Елена Ковалева, некоторое время работавшая в ПМПК Троицка, восклицает: *«Какие тут могут быть претензии? Умственная отсталость — это и есть умственная отсталость, диагноз F70. Как не может у человека вырасти рука или нога, так и уровень интеллекта не может измениться».*

Педагог Наталья Степина, сотрудник общественной организации «Я – человек», описывает случаи, когда ошибка была очевидна всем, включая руководство интерната для умственно отсталых, но комиссия упорно настаивала на своем диагнозе. Например, случай с девочкой Тоней, которую направили на комиссию «для ровного счета», — оказывается, если в интернате набирается шесть проблемных детей, их не надо никуда везти, ПМПК приезжает прямо к ним. За Тоню боролись все, кто только мог: пресса, общественные и государственные организации; новый директор интерната, откуда ее собирались переводить, готов был оставить ее на месте — все было бесполезно, пока ребенка не взяли в семью.

"За двадцать лет я помню только один случай, когда московская ПМПК сняла свой диагноз, около трех лет назад и сразу трем детям. Это было чудо, тунгусский метеорит! Их перевели из собесовского интерната в коррекционный VIII вида, потом двух забрали в семью, а сейчас они учатся в нормальной школе».

Профессиональная солидарность специалистов ПМПК и сотрудников коррекционных интернатов

(из статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Рассказывает социальный педагог Дмитрий Марков из псковского центра сопровождения детей-инвалидов «Росток»: «Директору детского дома и в голову не придет оспаривать мнение районного психиатра. Не согласишься с диагнозом — а он в следующий раз не возьмет к себе в больницу какого-нибудь буйного ребенка, от которого на некоторое время нужно избавиться. Это как если бы журналист написал критическую статью про своего коллегу редактора или фотографа».

Задачи «вытянуть» ребенка не стоит

(из статьи статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Яхромская школа-интернат — это не сиротское учреждение. Из 92 воспитанников сирот всего 13. У остальных родители даже не лишены прав. Яхромский коррекционный интернат считается очень хорошим: на 92 детей здесь 70 человек персонала. Директор Евгения Жарова — молодая женщина, вполне адекватная и симпатичная.

— Где-то половина учеников у нас с органическими нарушениями работы головного мозга, у остальных педагогическая запущенность.

— Так ведь запущенность не медицинская проблема! — радуюсь я. — Получается, если ваших детей как следует воспитывать, они смогут вернуться в общеобразовательную школу и закончить ее с человеческим аттестатом?

— А как вы это себе представляете? — удивляется Евгения. — Это ведь надо снимать диагноз, повторно проходить комиссию. Ну, разве что родители изъявят желание. Но у нас таких случаев не было.

— А у вас самих не возникало мысли, что некоторые дети могли бы исправиться и учиться по нормальной программе? Вы не пытались их вытянуть?

— Задачи такой не стоит, — говорит Евгения, — у нас есть программа для коррекционных школ VIII вида, мы по ней и работаем. А выстраивать отдельный учебный план для каждого ученика — на это у нас нет ресурсов.

Насколько диагнозы, поставленные ребенку-сироте, выдерживают проверку "внешними" специалистами

Еще в середине 1990х годов руководитель лаборатории медицинской психологии НИИ психиатрии Игорь Коробейников проводил освидетельствование выпускников коррекционных школ VIII вида. По итогам работы Коробейников написал диссертацию, в которой показал, что в таких интернатах проживают немало здоровых детей. Из более 200 молодых людей, которые хотели продолжить образование в вечерних школах, диагноз «умственная отсталость» был подтвержден примерно у 25%. Более 60% оказались «пограничниками», то есть обладали потенциалом для обучения в массовой школе, а около 10% могли быть отнесены к возрастной норме интеллектуального развития (из статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные?" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года - полный текст в разделе «Статьи»).

А вот рассказ красноярского психолога Николая Щербакова, который два года проработал в интернатах для детей с нарушениями развития об одном из воспитанников интерната VIII типа (из статьи «Усыновити меня пожалуство» в "Новой газете" от 14 мая 2014 года - полный текст в разделе «Статьи»):

«Н. забрали в городок под Питером. У него сейчас отличная семья: мама, папа, три сестренки. Психолог школы, где он учится, провела диагностику: УО у него нет — все процессы сохранны, хорошая зрительная и слуховая память. Учится восьмой месяц в обычной школе: в четверти 3-4 «тройки» и вполне заслуженные (раньше ему делали поблажки) оценки по математике и русскому. Не попади ребенок в семью — так бы и сделали из него умственно отсталого. И таких вот, «отсталостью» своей обязанных существующей системе, — армию собирать можно».

Индивидуальный подход творит чудеса даже в отношении "умственно отсталых" из числа бывших детей-сирот. Например, волонтеры, посещавшие Звенигородский психоневрологический интернат, куда по совершеннолетию поступают на постоянное жительство выпускники коррекционных школ-интернатов VIII типа, рассказывают, хотя специалистами интерната никакой реабилитации среди проживающих не проводится и многие из них не умеют ни читать, ни писать, самим волонтерам удавалось за месяц обучить чтению некоторых совершенно неграмотных (из статьи «Эта такая территория вне закона» в журнале "Коммерсантъ Власть" от 20 октября 2014 года - полный текст в разделе «Статьи»).

Профессиональный застой среди сотрудников коррекционных интернатов

(из статьи "Усыновити меня пожалуйста" в "Новой газете" от 14 мая 2014 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Рассказывает красноярский психолог Николай Щербаков, два года проработавший в коррекционных школах-интернатах для детей-сирот: «Все образовательные (и не только) организации должны дышать и пульсировать тренингами, группами, супервизиями, должна быть отстроена качественная обратная связь между «верхами» и «низами». А у нас все те же, что десятилетия назад, полутюремные установки, патологические личности и нездоровая атмосфера».

Мой труд теряет смысл

(из статьи статьи "Не учи. Откуда в России берутся новые неграмотные" в журнале "Русский репортер" от 5-12 июля 2012 года и «Детство особого режима» в «Новой газете» от 11 марта 2013 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Красноярский психолог Николай Щербаков, два года проработавший в коррекционных интернатах: «Из интерната я ушел, как ни жалко было расставаться с детьми и коллегами. Потому что удовлетворения от работы не было: мой труд терял смысл, когда какая-нибудь озлобленная ночная няня надрывала детям уши. Ушел, чтобы не деградировать дальше».

Московский психиатр Елисей Осин после пяти лет работы в детской психиатрической больнице № 6, на базе которой работает московская городская ПМПК, решил уйти в «свободное плавание», т.к. не мог согласиться с методами оценки детей-сирот.

Диагнозы и квартирный вопрос

(из статьи «Эта такая территория вне закона» в журнале "Коммерсантъ Власть" от 20 октября 2014 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Рассказывает бывший воспитанник Звенигородского психоневрологического интерната Алексей Шохин: «Экспертиза показала, что я нормальный и могу жить сам. Я теперь живу в Ногинске. Работаю в Москве, маршруты для курьеров составляю. Но я теперь не отступлюсь. Буду своего добиваться. Нас пятеро было, братьев и сестер, никому не дали квартиру. Мы для них никто. Мы вышли из детского дома, нас просто в машину посадили и раскидали по ПНИ. Попасть в ПНИ было легко, а уйти отсюда теперь почти невозможно. Чтобы уйти, нужно пойти на психиатрическую экспертизу. Большинство проживающих в ПНИ — выпускники детских домов. Получается, что ПНИ — это такая территория вне закона, где отмываются сиротские квартиры».

Интернаты закрыты для общественного контроля

(из статьи «Почему умирают воспитанники детдомов» в газете "Мир новостей" № 43 от 15 октября 2013 года - полный текст в разделе «Статьи»)

Рассказывает представитель Казанского правозащитного центра Булат Мухамеджанов:

«Интернаты закрыты для общественных контролеров. Чтобы туда попасть, надо согласовать визит в ряде инстанций. Более того, в случае ЧП мы не можем выступить в качестве адвокатов пострадавших ребят. Такое в нашей стране законодательство. Единственными представителями воспитанников детдомов являются руководители этих детдомов. И они же обычно проходят главными фигурантами по уголовным делам. Интересно, да? Чиновники допускают нарушения, и сами чиновники их выявляют. Закрытая, замкнутая, режимная система. В ней нет посторонних наблюдателей, защитников и судей. Никто в случае необходимости не ворвется и не спасет детей от произвола».

Другой пример: многолетнее сотрудничество между Звенигородским психоневрологическим интернатом и благотворительным фондом помощи детям "Милосердие" было немедленно пресечено администрацией интерната, как только волонтеры стали «вмешиваться во внутренние дела ПНИ», а именно сообщили руководителю ПНИ о случаях принудительного лечения проживающих, наказания карцером за отказ перечислять в пользу ПНИ часть ежемесячной денежной выплаты пациента и других нарушениях прав проживающих. Комментирует представитель Фонда (из статьи «Эта такая территория вне закона» в журнале "Коммерсантъ Власть" от 20 октября 2014 года - полный текст в разделе «Статьи»):

«Какое-то время мы пытались сглаживать конфликты: если узнавали, что кого-то из ребят заключили на четвертый этаж, мы шли договариваться с директором, вроде как брали на поруки. Мы думали, что все это произвол санитаров и медсестер, а руководство об этом не знает. Но потом поняли, что директора наши обращения раздражают. Нас стали воспринимать как врагов. Если бы мы молчали, нас бы не трогали.

В итоге Фонд обратился к уполномоченному по правам человека РФ. Он приехал в ПНИ с комиссией, которая подтвердила наличие многочисленных нарушений в ПНИ. Но и после этого договор между Фондом и ПНИ так и не был подписан – причем задержка исходила уже от Минсоцзащиты Московской области, где, видимо, взяли сторону ПНИ. А если уйдут волонтеры, людей, проживающих в ПНИ, больше никто не услышит. Они останутся за глухой стеной».

А вот как, по словам красноярского психолога Николая Щербакова, который занимается реабилитацией сирот подросткового возраста на общественных началах, отреагировал руководитель интерната, где воспитывались два подопечных Николая, на критическую оценку его работы:

«Пускать в интернат к Г., К. и другим детям меня сразу перестали. Написал директору свои соображения, потом пошел с ней общаться

живьем — детей жалко: привязались. Надеялся на разум. Увы. Разговаривала так, будто я в чем-то провинился, и, сказав, что все у них хорошо, попросила больше к ним не ходить».

Подробнее о работе Николая Щербакова и отношениях с администрациями интернатов - в статьях "Детство особого режима" в "Новой газете" от 11 марта 2013 года и "Усыновити меня пожалуство" в "Новой газете" от 14 мая 2014 года - полный текст в разделе «Статьи».

Социальный заказ для общественных организаций

Вот как описывает суть социального заказа Наталья Степина - педагог Региональной общественной организации поддержки детского и молодежного творчества "Я - человек":

"Присутствие общественных организаций в детских учреждениях должно стать легитимным. Можно воспользоваться западным опытом, когда общественные организации участвуют в конкурсе на оказание определенных социальных услуг. Разработать условия участия, требования к организациям, способы контроля за ходом работы, определить, кто и как будет оценивать эту успешность (какая-либо структура вне стен интерната). Содержанием деятельности может быть что угодно, на что не хватает рук у самого учреждения – например, организация дополнительных занятий для одаренных или, наоборот, отстающих детей; обслуживание лежачих больных; индивидуальное сопровождение нуждающихся в особом внимании, да и мало ли что нужно детям, но невозможно по штатному расписанию.

Профессиональный потенциал тех организаций, которые сейчас принято называть волонтерскими, зачастую очень высок - "волонтерить" идут педагоги, психологи, дефектологи, медики. Да и просто к детям придут люди, которые хотят с ними работать и не боятся, что им будет трудно. Они готовы работать с любыми детьми. А если кто-то не справится - команда, заинтересованная во взаимодействии, сама найдет замену недобросовестному или неумелому.

Дайте возможность – после любых процедур сертификации – внешним специалистам работать с детьми из детских домов не на птичьих правах, а легитимно - и они разгрузят психиатрические больницы".

Разукрупнение коррекционных интернатов

Рассказывает Наталья Степина, педагог Региональной общественной организации поддержки детского и молодежного творчества "Я - человек": *"Например, мы слышали про интернат в Петербурге – 600 детей, 200 среди них – лежачие. Нужны силы, чтобы всё это освоить, чтобы это поле было хоть сколько-нибудь гуманным по отношению к детям. Зачем нам такие огромные учреждения? Почему их нельзя сделать 10 по 60?"*

Основные принципы реформирования коррекционных интернатов

Проживание и уход в коррекционных интернатах должны строиться по тем же принципам, какие с 1 сентября 2015 года внедряются в отношении «обычных» организаций для детей-сирот в соответствии с Положением о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, утв. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481, а именно:

- Разукрупнение специализированных интернатов.
- Уменьшение числа детей в группах для более тонкой работы воспитателя со сложными детьми (для этого нужен пересмотр нормативов, требующих определенного количества детей на ставку педсостава), признание права на индивидуальный путь развития.
- Минимизировать переводы детей из одного учреждения в другое. Если смена учреждения объективно необходима в силу возраста или состояния здоровья, готовить ребенка к переводу в другое учреждение.

Активный поиск кровных родственников и поощрение посещений ребенка практически в любое удобное для родственников время (по вечерам, на выходных, в праздники и т.п.).

Обязательные и тщательно продуманные программы интеграции детей, в т.ч. с любыми отклонениями, с ровесниками из семей, особенно без всяких отклонений - начиная с участия воспитанников интерната во внешкольных мероприятиях и кружках в обычных школах и заканчивая программами инклюзивного образования. Выход за стены учреждения - в любых формах (занятия в районном доме творчества, прогулки по общественному парку, а не во дворе интерната, поездки не только в музеи и театры, но и в магазины и аптеки). Приглашение школьников из ближайших школ к посещению воспитанников коррекционного интерната, переписке с ними, участию в совместных делах на территории интерната. Регулярные рассказы о воспитанниках интерната на родительских собраниях ближайших школ, приглашение к гостевым посещениям.

Разнообразие контактов с разными взрослыми, в первую очередь приходящими "извне", БОльшая открытость детских домов к взаимодействию со специалистами других детских учреждений и организаций, движение в сторону социального партнерства - например, через обязательный допуск "внешних" некоммерческих организаций и волонтеров к посещению воспитанников учреждения и к участию в наблюдательных советах учреждений; при невозможности посещения «внешних» образовательных учреждений – организация обучения детей внутри стационара силами «внешних» образовательных организаций.

Регулярный пересмотр программы и результатов реабилитации ребенка комиссией с участием представителей "внешних" некоммерческих организаций и частных медицинских организаций.

Повышение престижа специалистов, работающих с сиротами, и повышение уровня требований к профессионализму сотрудников сиротских учреждений.

Взаимодействие между учреждениями для детей-сирот

Подобная связь между учреждениями важно не только для снятия у ребенка стресса от перемены места жительства, но и для обеспечения стабильного окружения ребенка в новом учреждении. Например, дом ребенка № 13 в Санкт-Петербурге, который участвовал в проекте "Как дома" еще с 1997 года, работает в связке с детским домом № 1. Дети с ограниченными возможностями, которые не находят семью, переходят в детский дом, но перед этим ребенка готовят профессионалы: из детского дома к нему в группу на месяц переезжает воспитатель. А когда ребенка переводят, то его "родной" воспитатель из дома ребенка переезжает с ним и находится с ребенком один-два месяца, пока тот адаптируется. По мнению детских психологов, это единственный вариант для сохранения психики ребенка.

Подробнее о проекте "Как дома" - в статье "Все ближе к дому" в журнале "Коммерсантъ Власть" от 8 апреля 2013 года (полный текст в разделе «Статьи»).

Интернат для лиц с интеллектуальными нарушениями - как это может быть

Автор проекта имела возможность наблюдать, как организовано проживание детей, подростков и взрослых, страдающих тяжелыми интеллектуальными нарушениями, в государственном учреждении-интернате Клэр Буа (Clair Bois) в кантоне Женева, Швейцария.

В учреждение входит четыре интерната, в двух из которых проживают дети, а в остальных – подростки или взрослые. Дети посещают обычные школы (естественно, согласно программе инклюзивного образования), дополнительные образовательные и реабилитационные услуги в стенах интерната оказывают «внешние» специалисты: педагоги по коррекционному образованию, логопеды, эрготерапевты, психологи. Специалист либо посещает конкретного проживающего согласно индивидуальному плану реабилитации, либо проводит групповые занятия (рисование, лепка и т.п.).

Каждый день после обеда с проживающими гуляют студенты-волонтеры из соседнего колледжа или стажеры в области коррекционного образования (обычно проживающие могут передвигаться только «под ручку» или в коляске), в выходные и праздники на место студентов-волонтеров заступают родственники и друзья.

При интернатах открыты «обычные» кафе с вкусной (даже изысканной) едой по доступным ценам с единственной целью – привлечь как можно больше жителей окрестных районов, «открыть» интернат для широкой публики, сделать это место максимально знакомым.

Негосударственные школы - опыт инклюзивного образования

Инклюзивное и коррекционное образование – тема, заслуживающая отдельного исследования. Интересная дискуссия на эту тему прошла в программе «Прав?Да!» на ОТР от 4 декабря 2014 года. В любом случае, за последние несколько лет в России появилось несколько негосударственных образовательных программ для детей, по той или иной причине не «вписавшихся» в общеобразовательную школу. Все они носят инклюзивный характер, все они дают возможность получить диплом того же образца, что и общеобразовательная школа. Их существование наглядно доказывает принципиальную обучаемость значительной части детей-сирот, у которых официально были диагностированы существенные задержки в развитии. Вот несколько примеров:

Школа «Большая перемена» помогает детям-сиротам - выпускникам интернатов VII и VIII типов получить среднее образование (несмотря на то, что такие дети считаются необучаемы сверх начальной школы), определиться с профессией и найти работу. Этот проект является экспериментальной площадкой "Института проблем интегративного (инклюзивного) образования" Московского Городского Психолого-педагогического Университета и ФГНУ "Институт психолого-педагогических проблем детства" РАО.

В Школе св. Георгия Победоносца» в г. Москве обучаются дети с задержками в развитии и легкой стадией аутизма, которые в обычной школе «не ужились» (а от некоторых отказались и коррекционные школы). Учатся здесь и «обычные» дети, чье родители предпочитают вальдорфскую систему педагогики. Подробнее о работе этой Школы можно почитать в статье «Неуживчивые» в "Новой газете" от 11 ноября 2011 года (полный текст в разделе «Статьи»).

Региональная благотворительная общественная организация «Центр лечебной педагогики» ежегодно организует интегративный летний лагерь, где дети с различными нарушениями развития проводят время среди обычных детей и взрослых. В каждой смене этого лагеря – лишь 15 «особенных» детей, а еще их родители, братья, сестры, волонтеры, педагоги, дети педагогов, итого – около ста человек. Подробнее о этом лагере - в статье «Особые дети» в журнале "The New Times" № 26 от 27 августа 2012 года (полный текст в разделе «Статьи»).

Сообщество семей «Орион» и «Китеж-град», где половина детей – приемные. Все взрослые – с высшим образованием, половина – с высшим педагогическим. По сути это пример семейно-профессионального воспитания детей-сирот с особыми потребностями по инициативе самих приемных родителей, а также инклюзивного образования непосредственно «по месту жительства» приемных детей. Подробнее об этом сообществе - в статье «Китеж-град" в "Новой газете" от 2 мая 2012 (полный текст в разделе «Статьи») и на сайте детской деревни "Орион".

Цепочка социализации особого ребенка

Повар Никита, Россия

Рассказывает Наталья Степина, педагог Региональной общественной организации поддержки детского и молодежного творчества "Я - человек":

Цепочка социализации особого ребенка - это тот самый путь, который особый ребенок проходит от момента рождения до взрослости. Ключевой вопрос, что будет делать выросший особый ребенок у нас в обществе, особенно если он приемный. Для того чтобы развивать, широко развивать систему семейного жизнеустройства детей, находящихся сейчас в специнтернатах, мы должны с вами ответить на этот вопрос, что будет с этим ребенком дальше? Что потом будет с этими детьми? Что будет с детьми, которые не освоят достаточное количество навыков, чтобы жить самостоятельной жизнью? Этот вопрос решает любая приёмная семья, задумавшаяся о приеме особого ребенка.

частное дело этой семьи, и семья, отчет, что она до конца его дней будет сопровождать этого ребенка, потому что он никогда не будет жить самостоятельно. Либо это имеет отношение к нашему обществу в целом, и тогда мы что-то можем предложить этой семье. До сих пор серьезной альтернативы специализированным интернатам для взрослых пока ещё у нас в стране не создано. И приёмной семье растить особого ребёнка, развивать, учить, воспитывать и понимать, что после 18-ти он до конца дней будет несамостоятельным человеком, или сдать его в собесовский интернат – это не тот путь, который мы хотим, чтобы проходили приёмные семьи.

И этот вопрос решает общество. Либо это, которая берет ребенка, должна отдавать себе

Повар Тим, США

Пример цепочки социализации особого ребенка - история 23-летнего москвича Никита Паничева с синдромом Дауна, который работает поваром в "Кофеманию" (подробнее в статье "Это просто дети" в "Новой газете" от 16 ноября 2013 года - полный текст в разделе «Статьи»), но это потребовало много усилий мамы Никиты,

вовлечения известных актеров и их благотворительного фонда.

В развитых странах трудоустройство людей с особенностями развития - это норма, а не исключение. Люди с особенностями развития работают на почте, в супермаркетах, на производстве. Если и бывают исключения, то в стороны особой популярности, "звездности" - например, открытие Тимом с синдромом Дауна ресторана в штате Нью-Мексико, США.